

тому же в сельском хозяйстве было очень мало железных орудий. Вот почему очень редки находки предметов сельского хозяйства, но все же изредка они встречались. Так, Абрамов на берегу Днепра нашел обломок косы-горбуши и серп, а также камень для растирания зерен (зернотерки). Небольшой и сильно разрушенный серп нашел Сергеев. Найдены были серпы и экспедицией областного музея в 1936 году. В 1940 году найдены зернотерки и гладилки. Археологом Д. А. Авдусиным в 1949 году были также обнаружены серп и жернова. Вероятно, много серпов или кос просто не сохранилось, и они превратились в неопределенные железные пластинки, которых найдено множество.

Кроме предметов, сделанных из железа, найдено много черепков и горшков, говорящих о широко развитом керамическом производстве.

На днищах посуды иногда встречаются клейма, являющиеся, вероятно, марками гончаров. Клейма изображают круг, или круг с шестью лучами, или букву Т; имеются круги, разделенные двумя диаметрами, крестообразно лежащие и придающие форму колеса. Вероятно, изображение круга явилось символом солнца, луны. Следует предположить, что изображения цифр и букв могли быть знаками собственности.

Кроме горшков, найдены были тарелки, блюда. С. И. Сергеевым найдены, кроме того, куски слитшегося стекла черного, синего и изумрудного цвета, вероятно, остатки от стеклянной посуды. Остатки стеклянной посуды в виде слитков шлака найдены были во время раскопок 1935 и 1950 годов.

Местные ремесленники производили различные предметы и из рогов животных и из дерева. Часто встречаются медные оковки от рога с орнаментом из мелких зубчатых линий. Из дерева приготавливали ведра, деревянные чаши. С. И. Сергеев обнаружил «отдельные части маленькой деревянной чашки диаметром до трех дюймов. На дне какая-то масса, слегка окрашенная». Остатки деревянных ведер и чашек были обнаружены Сергеевым в курганах центрального могильника. Археолог Авдусин в 1949 году обнаружил душки от ведер, пилочки для прорезывания пазов у днищ деревянной посуды.

В 1935 году также обнаружены остатки деревянной посуды при исследовании Гнездовского городища.

СОСУД С ДРЕВНЕЙШЕЙ НАДПИСЬЮ

Летом 1949 года археолог Д. А. Авдусин при раскопках одного из курганов лесного могильника вместе с большим количеством ценных предметов обнаружил разбитый сосуд

Меч и сосуд из кургана лесного могильника.

амфоровидной формы. Дно у сосуда выпуклое, горлышко узкое, от горлышка к плечикам сосуда идут с обеих сторон ручки. У одной из ручек имеется значок, напоминающий букву N. Сосуд изготовлен на гончарном кругу, имеет хороший обжиг.

Подобные сосуды назывались корчагами, в них хранили и перевозили жидкость, а нередко и ценные предметы. В верхней части корчаги надпись славянскими буквами «гороухща». Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров в статье «Древнейшая русская надпись» доказали, что это единственная надпись древнерусского письма, дошедшая до нас. «Она показывает, — подчеркивают авторы статьи, — что грамотность на Руси восходит к начальным десятилетиям X века, причем это грамотность была кирилловская... Гнёздовская находка блестяще подтверждает, что русская письменность с самого начала была славянская». Как известно, в середине IX века христианские проповедники Кирилл и Мефодий составили славянскую азбуку в Моравии. Всех букв в славянском алфавите насчитывалось 38, в том числе и такие буквы, как Ш, Щ, Ц, У, которых нет в греческом языке. Но до составления славянской азбуки Кирилла, будучи в Корсуни, видел «рушьких письма» и позднее воспользовался русской азбукой при создании в Моравии славянского письма. Вероятнее всего, что христианские проповедники Кирилл и Мефодий, которым приписывается создание славянского алфавита, только упростили имеющуюся письменность у славян. Следовательно, задолго до принятия христианства на Руси была письменность. Об этом говорят и договоры Олега с греками, написанные по-славянски в начале X века. В том же веке арабы видели русские надписи на столбах, которые ставились русскими на могильных курганах. Некоторые из арабских писателей даже зарисовали эти надписи, о чем они сообщают в своих работах. К сожалению, указанные древнерусские надписи не сохранились, и таким образом, обнаруженная Д. А. Авдусиным гнёздовская надпись является единственной на Руси была распространена задолго до проникновения греческого духовенства в Киевскую Русь.

Что касается содержания найденной надписи, то под словом «гороухща» следует понимать пряность, перец — излюбленную и в то же время редкую приправу к еде. Перец даже являлся обменной единицей, заменяя деньги. Привозился он в сосудах из стран Востока и им могла пользоваться только славянская знать. В числе даров после походов к Константинополю Олег привез вина и разные пряности, име-

мые летописцем «овощи». «Поэтому нет ничего удивительного в том, что «овощеве различные» попали и на север, в Гнёздовский курган, — пишут авторы отмеченной выше статьи, — в числе других товаров и разного «узорожья». «Кто знает, может быть, Гнёздовский сосуд хранил те «овощи», по нашему пряности, которые входили в состав даров, полученных Олегом от греков после похода Олега на Царьград?».

Следовательно, сосуды, сделанные местными гончарами, могли служить в качестве тары для хранения наиболее ценных предметов (вина, пряности), а для обозначения того, что хранилось в этих сосудах, делались на их плечиках надписи.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ ЖИТЕЛЕЙ ГНЁЗДОВА

Как домашний промысел, у древних жителей Гнёздова широко было развито прядение и ткачество. Об этом говорит большое количество найденных глиняных пряслиц. Одежду делали из льняных и шерстяных тканей. Д. А. Авдусиным обнаружены хорошо сохранившиеся шарнирные, фигурные с длинными и тонкими острыми режущими частями ножницы. Они имеют кольца для пальцев, причем одно кольцо больше другого, как и у современных портняжных ножниц. Этими ножницами наши предки резали ткань. Рядом с ними найдена железная игла. Один из исследователей жизни смоленских кривичей А. Н. Лявданский приходит к выводу об одежде и обуви кривичей:

«Об одежде можно сказать также в общих чертах. Найденные куски обожженной глины с отпечатками льняной ткани и ножницы для разрезывания последней указывают на то, что из этой ткани изготовлялась нижняя и некоторая верхняя одежда. Найденные же ножницы для стрижки овец свидетельствуют о шерстяных тканях, из которых также изготовлялась одежда, и по всей вероятности, верхняя. О характере шерстяной ткани можно судить по найденным остаткам ее в одном из курганов Гнёздова под Смоленском. Соткана она из довольно тонких ниток и совершенно ничем не отличается от современной крестьянской (Смоленской губернии) ткани для верхней одежды. Интересно отметить, что и способ тканья (в ряды по диагонали) в древности был одинаков с современным. В том же Гнёздовском кургане сохранились остатки овчины». Из овчин жители Ковшар и Гнёздова изготовляли себе теплую одежду. Несомненно, шили теплые одежды и из шкур медведя, бобра и других животных.

Одежда подпоясывалась ремневым и другими поясами.

Рис. 10. Кривичи

Лет 89.
Кривичи. 100
24

от которых сохранились пряжки. У пояса носилось кресало, нож, точильный брусок, а иногда и шило, для чего у рукояток и у брусков имеются отверстия для привязывания их за веревочку или ремень.

Обувь существовала, повидимому, кожаная и, несомненно, были лапти, для плетения которых делались специальные, похожие на современные, костяные спицы, или «кодочиги». Кожаная обувь была такая: плесницы и калиги, их позднее называли калишки. Обувь вроде сандалий с высокими задниками и без каблуков. Из кожи шли и русские сапоги. На ногу надевали шерстяной чулок, называемый «копытцем», а также льняные онучи.

А. В. Арциховский в статье «Одежда», обобщая археологические материалы об одежде русского крестьянина, пишет:

«Одежду русского крестьянина следует представлять в следующем виде: русская холщевая рубаха-косоворотка с металлическими, костяными или деревянными пуговицами, подпоясанная узким ремнем. Штаны, заправленные в высокие сапоги или замотанные онучами при носке лаптей или коршней (род кожаных туфель, сшитых из целого куска мягкой кожи). Поверх рубахи надевалась весной и осенью грубошерстяная теплая одежда, заменяемая в зимнее время меховой, обычной овчинной шубой. Можно упомянуть, что к поясу крестьянин привешивал различные мелкие бытовые вещи: ключ от кисти, небольшой ножик, огниво с кремнем».

Дружинники, славянская знать носили, кроме обычной одежды, шерстяной плащ — корзно, застегиваемый металлическими фибулами (застежками), которых в курганах находят много. На голове носили мягкую сферическую шапку с меховым околышем. Женщины украшали свою голову височными кольцами, у кривичей преобладали браслетообразные кольца. Серебряные или медные височные кольца вплетались женщинами в волосы и прикреплялись к головным уборам. Кроме височных колец, в Гнёздовских курганах найдены серьги, бусы, кольца, различного вида подвески и браслеты. Часто мужчины, знать украшали свою голову серьгами. Об этом пишет византийский историк Лев Диакон, описывая свидание князя Святослава с императором Иоанном Цимисхием.

«И вида же он был таков: роста умеренного, ни сверх меры высокого и ни слишком малого, с густыми бровями. Глаза у него голубые, нос плоский, бороды у него не было, но сверху над губой свисающие вниз густые, излишне обильные волосы. Голова у него была совершенно голая: на одной ее стороне висел локон, означающий благородство происхождения. Шея крепкая, грудь широкая и весь стан очень хорошо

сложен. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином посредине. Одежда на нем была белая, ничем от других не отличавшаяся, кроме чистоты».

Местное ремесло обслуживало не только знать, жившую в Гнёздове, но и население близлежащих селений.

ОБИТАТЕЛИ СЕЛИЩ

В VIII—IX столетиях укрепленные постройки патриархальных общин начинают исчезать. Их место занимают поселения большие по размеру и без защитных сооружений. Как правило, новые селения располагались вблизи рек и озер.

«Старые укрепленные поселения пустеют, — пишет Н. Н. Воронин в своей работе «Поселения», — сохраняя иногда лишь значение убежищ для окрестного населения на случай военной опасности: иногда они служат местом сосредоточения ремесленников, снабжающих своими изделиями земледельцев сельской периферии, поселением старейшины, а иногда становятся зерном развития феодального города».

Переход от родовых поселков к неукрепленным сельским поселениям тесно связан с развитием производительных сил. Железные орудия, применение рабочего скота приводят к тому, что каждая большая отцовская семья уже может вести теперь хозяйство самостоятельно. Большие отцовские семьи организуют новые поселки, известные под именем «погоста», «мира», «верви».

Облюбовав пространство новой земли, которой в то время было много, члены переселившейся семьи «выдирают» и выжигают пашенные участки. Эти участки поступают в исключительное пользование этой семьи. Чтобы обеспечить границу своего участка, каждая семья ставила на деревьях в виде зарубок «знамя», значки. Переселившиеся семьи, оседая среди лесов в уединенных поселках, отбивались от рода, теряли родовую связь.

Трудности обитания в глухой местности заставляли такие семьи селиться вместе, но теперь их объединяла только территория, а не родовые связи, как это было раньше. Однако старые полуродовые традиции все еще прочно связывают членов территориальной общины, они тянут членов этой общины к старому родовому гнезду, то есть к селищу, возникшему недалеко от родового поселка. Там находятся родовые кладбища, там происходят общинные пиры — «братчий», там собираются на ярмарки. Наконец, центральное селище сохраняет и некоторые общественно-правовые функции.

Такие центральные селища в Гнёздове были обнаружены около центрального и недалеко от Ольшанского городища.

Селище в Гнёздове тянется вдоль по обоим берегам реки Спшица, занимая территорию современной деревни. На этой территории найдено много черепков от различной посуды. Во время раскопок 1922 года удалось установить, что «во всю толщину культурного слоя встречается множество черепков, обломки глиняной посуды. Причем в верхней части находятся черепки со следами обработки на гончарном кругу, а в нижнем — без его следов». *Лекс. Стр 140.*

Второе селище обнаружено недалеко от Ольшанского городища. Оно расположено по обоим сторонам реки Ольши. Площадь его значительно меньше Гнёздовского. На территории былого селища найдено много черепков с волнистым и зигзагообразным орнаментом. Селище описано полукругом курганов. Эти поселения, как правило, в дальнейшем перерастали в деревню. *Но в Гнёз. это нет.*

Рассмотрим более подробно, чем же занимались жители селищ, местное крестьянство (смерды, как их называют наши летописцы) — основные производители богатств военной знати. Предметы сельского быта, ремесла, домашнего обихода, остатки сельскохозяйственных орудий, найденные на территории селищ, находки в курганах с невысокими насыпями предметов сельского быта позволяют нам установить, что жители Гнёздовского, Ольшанского и других селищ в VIII—IX—X веках занимались скотоводством и земледелием. О занятиях скотоводством говорят найденные в курганах ножницы для стрижки овец, конская сбруя, кости лошадей, быков, баранов.

Следует отметить, что скотоводство велось с незапамятных времен и началось с одомашнивания дикой собаки.

Д. Н. Анучин указывает, что «смоленская курганная собака очень близка по типу той собаке, которая впервые была приручена в восточной части Западной Европы, и, как бы то ни было, смоленская курганная собака стоит значительно ближе к малорослой породе собак каменного ладожского побережья... Это, по всей вероятности, потомок древней «торфяной» породы, но уже значительно изменившейся под влиянием одомашнивания».

Из других животных, подвергавшихся одомашниванию, были свиньи, затем стали разводить коз, овец, приручили дикого быка или тура. Несколько позднее приручили дикую лошадь, «которая имела своими предками тарпанов, родоначальников современных лошадей».

Анучин неоднократно подчеркивает, что использование

лошадей у славян наблюдается с отдаленных времен, особенно на восточных окраинах нашей страны, граничащих со степью.

Одновременно с одомашниванием лошади славяне стали разводить крупный рогатый скот и птицу. В курганах часто находились кости петуха, что говорит об особом ритуальном (обрядовом) значении этой птицы в глазах кривичей (об этом будет сказано ниже). Большую роль играли пчелы, как подчеркивает Голубовский, один из исследователей древнего периода смоленской земли.

Жители Гнёздовского могильника занимались бортничеством. Об этом говорят найденные в большом количестве железные шпory в виде железных оковок с шипами. С их помощью кривичи забирались на большие деревья. Таких шпор довольно много в Ковшарах, Гнёздове и в других городищах Смоленщины. В музее имеется 20 таких шпор (древолозных шипов). Постепенно хищническое добывание меда стало запрещаться. Устраивались искусственные дупла, куда селились молодые рои пчел. Порубка деревьев с пчелиными дуплами также стала запрещаться.

Лесной массив, окружавший со всех сторон Смоленск, был богат зверями: в изобилии водились бобры, лисички, соболи, куницы, медведи, волки и другие животные, встречающиеся и ныне в лесах Смоленской области. Поэтому охота была одним из основных промыслов жителей смоленских селищ. Об этом говорят найденные в курганах стрелы для охоты и копыя местного производства.

Охотникам помогала собака, особенно во время охоты на бобров. Кости собак найдены в ряде курганов. Но зверей ловили и разными другими приспособлениями: в ходу были сети, разные осоки, тенета, поколодовы, кожи. Мясо некоторых убитых животных шло в пищу, у других брали только шкуры, из которых искусно выделывали кожи, меха. Многие меха шли в качестве дани военной знати и от них попадали в руки византийским и арабским купцам. Особенно славились куницы, собольные и лисьи меха. Дикую птицу ловили с помощью «перевесов» — больших сетей, в которых и запутывалась дичь.

Обилие леса позволяло жителям заниматься выделкой из дерева различных предметов. Они делали учаны, челны, «колы» (телеги-одноколки), лодки, долбленные из одного дерева — «однодеревки», сани, ушаты, деревянные мерки, служившие для измерения жита, ячменя, кади (для меда).

С развитием Волжского и Днепровского водных путей стали гнать смолу для починки разошедшихся в пути челнов.

Было развито рыболовство, найдены крючки для удочек, остроги для багрения рыбы, глиняные грузила для сетей. Из рыбных костей чаще всего встречаются кости щуки, реже кости сомов, лещей, окуней. Рыбу ловили неводом или бреднем, били острогой. Применялись заколы или, как тогда называли, «ёз». С помощью заколов переграждали небольшие реки. В отверстия заколов ставили мержи, плетеные из ивняка.

Но главным занятием жителей селищ Смоленского района было земледелие. Возделывались: рожь, ячмень, пшеница, овес, горох, капуста, хмель, лен, конопля, пенька.

Голубовский например, в своей «Истории Смоленской земли», ссылаясь на первую Новгородскую летопись, пишет, что смоляне издавна были главными поставщиками хлеба в Новгород и за границу.

Известны были садоводство и огородничество.

В земледелии была подсечная система. В летописях упоминается ляд, то есть расчищенное из-под леса поле, но при этом старые толстые деревья не вырубались. Это делалось для тени: вырубали лишь кустарник, а у оставленных деревьев обрубались нижние ветки. Устроенная среди леса и засевавшаяся не раз пашня носила название «старина».

Для обитателей ранних городищ верхнего Приднепровья и Поволжья характерна была подсечная система.

К IX веку на смену подсечному земледелию приходит пашенное. Из «суковатки» — примитивной деревянной бороны — возникает соха. Первоначально сохи были многозубными, в дальнейшем соха стала двухзубой.

Скот приспособляется для работы. Так, в кухонных отбросах этого времени уже не встречаются кости лошади, следовательно, лошадь уже не была, как раньше, мясным животным.

П. Н. Третьяков подчеркивает, что «с появлением пашенного земледелия лошадь понадобилась как тягловая сила и утратила свою прежнюю функцию».

Системой земледелия была переложная система. Засеваемая несколько лет подряд земля истощалась и получала передышку на три-четыре года. За это время земля «отдыхала» и затем запахивалась вновь.

Профессор В. В. Мавродин в работе «Древняя Русь» в подтверждение того, что у славян лесной полосы до IX века было подсечное хозяйство, приводит славянский календарь. Автор так объясняет календарь: «В январе подрубают, секут деревья. Отсюда название месяца — сечень. В следующем месяце деревья сохнут на корню. Этот месяц называется сухой (февраль). Затем сухой рубят и сжигают на корню, и

деревья превращаются в золу. Этот месяц, соответствующий марту, носил название березовок. Затем идут: цветень (апрель), когда травой покрываются поля и луга и наступает первое цветение; червень (июнь), липень (июль), когда цветут липы и рой диких пчел усиленно собирают мед, добываемый в бортах; серпень, или жнивень (август), — начало уборки урожая, когда основным орудием становится серп; вресень — сентябрь, когда начинают молотить (от слова «вреди» — молотить); наконец, жовтень — время, когда в золото одеваются лиственные леса; листопад (ноябрь) и грудень, или снежень (декабрь), когда замерзает земля, превращается в «грудки» (комья) и ровной пеленой ложится снег».

Таким образом, календарь славян, приведенный профессором Мавродиным, еще раз доказывает, что у славян и, в частности, у кривичей, в древнейшие времена существовало подсечное хозяйство, замененное в VIII—IX веках переложной системой. О существовании у смоленских кривичей земледелия говорят следующие находки: в ряде курганов был обнаружен жженный хлеб и ячмень. Д. А. Авдусин нашел зерна ячменя в горшке, И. С. Абрамовым в 1905 году и экспедицией областного музея 1935 года найдены косы-горбушки, серпы (некоторые сохранились в виде железных пластинок) и камни для растирания зерен. Зернотерки найдены были в нижнем культурном слое городища в 1940 году.

В 1949 году археолог Авдусин при раскопках кургана в лесной группе обнаружил каменный жернов 35—40 сантиметров в диаметре, поверхность его с рабочей стороны покрыта небольшими углублениями. Видимо, в эти углубления проваливались зерна при помоле и там задерживались. В другом кургане лесного могильника найден железный серп с гладким, без зазубрин, лезвием. Серп круто закруглен, рабочая часть несколько шире той части, которая прикреплялась к деревянной ручке.

Стало быть, земледелие, как и скотоводство, у жителей Смоленска существовало с незапамятных времен, а в VIII и IX веках оно стало основным видом занятий обитателей смоленских селищ.

Следовательно, кроме ремесел, жители селищ Гнёздовского района в VIII—IX—X веках занимались охотой, скотоводством, рыболовством, бортничеством и земледелием.

Жили кривичи в деревянных домах, сделанных из толстых брёвен, плотно пригнанных друг к другу. Между брёвен клали мох, иногда пазы бревенчатых стен конопатили. Стены изнутри были оштукатурены глиной. Печи

строились из глины с примесью льняных тканей для придания наибольшей прочности. Это подтверждается тем, что в обгорелых развалинах печей найдены отпечатки глины.

При раскопках обнаружены петли, запоры, крючки. Значит, жилища имели двери и запирались. Найденные при раскопках гвозди, инструменты, железные оковки дают право утверждать, что дома были по тому времени неплохо оборудованы, имели столы, скамьи, сундуки.

О пище и утвари кривичей того времени до нас дошли отрывочные и случайные сведения. Н. Н. Воронин в статье «Пища и утварь», исследуя летописные и археологические материалы, сообщает: «В пищу употреблялся прежде всего кислый хлеб, который выпекали в печах. Выпекались и прямолинейные коврижки, пряники «медом и маком творени». Смоленские кривичи, кроме того, варили горох, приправляли постным маслом. Делали кутью, из пшеницы и овса варили кисель, который приправлялся «сыченым» мёдом. Делали творог, называвшийся «сыром».

Из овощей встречались только капуста, репа, лук и чеснок. Соль считалась у бедноты лакомством. Она была дорога — ее привозили издалека. Фрукты назывались в древней Руси овощами. В пищу употреблялись яблоки, малина, смородина. Сахара тогда не было. Он заменялся мёдом, из которого варили различные напитки. Делали хлебный квас. Ели мясо овец, кур, а также рыбу и мясо дичи, именуемое мясом «звериным».

Из утвари, связанной с приготовлением и хранением пищи, следует отметить: бочку, кадку, в которой держали пиво, квас и другие жидкости. Вино хранилось в корчагах, зерно в корзинах («лукно» и «кошь»). Для хранения молочных продуктов употреблялись кринны и горницы (горшки). Варилась пища над огнем в медных или железных котлах с ушками и кольцами. Для жарения были латки. Латки представляли собой сковороды с высокими краями и полой ручкой, в которую при посадке в печь вставлялась палка. Были в употреблении железные и глиняные сковороды.

Для носки воды служили деревянные ведерки. Большинство кухонной утвари было деревянной или глиняной.

Население селищ в VIII—IX веках жило большими семьями. Эти семьи были территориально связаны обработанными участками земли, разработкой новых участков и т. д. Семьи имущественно различались — наряду с богатыми были семьи, имеющие очень незначительное личное имущество.

Земля обрабатывалась коллективно, но распределение

полученного урожая шло не поровну. Урожай распределялся от количества затраченного труда представителями семей и от применяемого рабочего скота той или иной семьи.

Во главе селища стояло общее собрание взрослых мужчин, оно решало все важные дела. Исполнительная власть вручалась совету старейшин, чаще всего являвшемуся собранием представителей от больших семей.

Коллективно велась работа только в сельском хозяйстве; ремесло, рыбная ловля, охота велись отдельно членами семейств. К. Маркс, характеризуя индусскую общину, говорит в «Капитале»:

«В общинах наиболее простого типа обработка земли производилась совместно, причем продукт разделялся между членами, так как прядением, ткачеством занимается каждая семья самостоятельно, как побочным домашним промыслом».

Продолжала существовать так называемая кровная месть: за оскорбление члена семьи мстила вся семья оскорбленного.

Жители селищ были лично свободны, имели свое внутреннее самоуправление, свой суд, свои обычаи, но подчинялись силе вооруженной знати, принуждены были платить дань, да иногда, по требованию военной знати, укреплять их городища, чинить дороги и выполнять другие работы. Такая община продолжала существовать и позднее, когда сложилась княжеская власть.

«Представители княжеской власти не заменили, однако, деятельности крестьянских миров — общин, от глубокой древности привыкших выполнять свои функции — судебные, административные, финансовые. Общинные порядки были только приспособлены к требованиям государства», — говорится в учебнике по истории СССР под редакцией профессора Лебедева, академика Грекова и профессора Бахрушина.

НАЕМНИКИ - ВАРЯГИ

В IX веке в Гнёздове появляются варяги-норманы. Варяги появились в Восточной Европе как разбойники и торговцы еще в VII—VIII веках. Нередко они нападали на славян, живущих недалеко от Балтийского моря, и иногда накладывали дань на побежденных. Летопись говорит: «Имаху дань варязи из заморья на Чуди и на словенах и на мери и на всех (веси) и на кривичех».

Славяне успешно отбивались от варяжских дружин, «но отдельным предводителям варяжских дружин удавалось

иногда захватывать славянские городки и подчинять своей власти окрестное славянское и неславянское население, истребив или подчинив местных князей», — так говорится в учебнике по истории СССР под редакцией академика Б. Д. Грекова. Но чаще всего отдельные отряды варягов поступали на службу наемниками к славянским племенным князьям.

В качестве наемников-воинов варяги проникают и на юго-восток от Новгорода — в земли, занятые кривичами, в том числе и в Гнёздово.

Однако в Гнёздове их было немного. К тому же варяги занимали в Гнёздове подчиненное положение: это были княжеские наемники или варяжские купцы, приезжавшие торговать и подолгу жившие в Гнёздове. Живя долго среди славянского народа, варяжские воины-наемники и варяжские купцы восприняли славянский язык, культуру и быт.

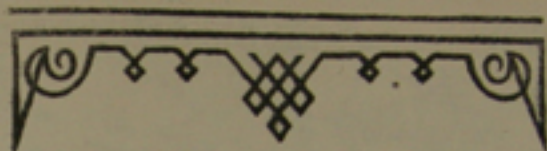
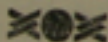
Некоторые привезенные из Скандинавии обычаи у них скоро исчезают.

О пребывании варягов-наемников в Гнёздове говорят крайне незначительное количество предметов, обнаруженных в курганах.

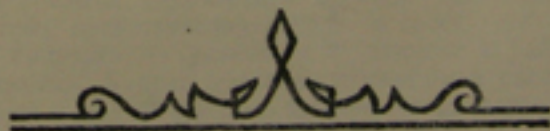
Таким образом, археологические данные говорят о том, что культура жителей Гнёздова совершенно не зависела от варягов. Некоторые принесённые варягами-наемниками отряды получают совершенно иное содержание и вскоре совсем исчезают. Немногочисленные варяжские наемники сливаются с местной военной знатью, из которой в IX веке образуется господствующий феодальный класс.

В IX веке происходит объединение уже сложившихся ранее центров славянских государств под властью Киева. Складывается Киевская держава.

Т.е. сложилась держава

БЫТ СМОЛЕНСКИХ КРИВИЧЕЙ

Минская губерния

КАК ВОЗНИКЛА РЕЛИГИЯ У КРИВИЧЕЙ

Древний житель Смоленска — Гнёздова стоял на низкой ступени развития, имел примитивную технику, зависел от природы и поэтому его объяснение природных явлений, личной и общественной жизни носило фантастический, религиозный характер. Необеспеченность жизни, бессилие в борьбе с природой создавали почву для власти религии над людьми.

«Каждая религия, — писал в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс, — является ничем иным, как фантастическим отображением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними и в их повседневной жизни; отражением, в котором земные силы принимают форму сверхестественных. В начале истории этому отражению подвергаются прежде всего силы природы; в ходе развития у различных народов появляются самые разнообразные и пестрые их олицетворения».

Это же подчеркивает и В. И. Ленин в своей работе «Социализм и религия»: «Бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей и чудеса».

Вот почему быт, общественное сознание различных народов, находящихся на низкой ступени развития, тесно связаны с первоначальными религиозными верованиями. «Религия возникла в самые первобытные времена из самых темных первобытных представлений людей о своей собственной и внешней природе», — указывает Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах». Будучи подавлен стихийными силами природы, человек в борьбе за свое существование встречался еже-

дневно с большим количеством грозных для него явлений, которые выходили за рамки его быта, его каждодневных потребностей.

Всё, что первобытный человек не мог объяснить себе, казалось ему чудесным, таинственным и вселяло в него суевёрный страх. Этот страх усиливался различными грозными явлениями природы, перед которыми дикарь был беспомощен. В дремучих лесах, среди болот, в темную, непроглядную ночь или во время страшных бурь и гроз дикарь создавал в своем воображении по образу и подобию своему загадочные для него живые существа, наделив вначале гром, молнию, ветер, небо, лес, воду, огонь, а позднее и другие предметы волей и сознанием. Наблюдая за природой и сравнивая явления природы со своей собственной жизнью, кривичи, как и другие славянские племена, прежде всего «одушевили» и «очеловечили» природу. Окружающие природные явления, существование неодушевленных предметов они стали объяснять путем сравнений с собственной жизнью.

«Величественный огненный шар солнца, с размеренной правильностью движений по небу, на ночь исчезает и днем снова появляется; звезды, точно произвольно перемещающиеся по небесному своду и по желанию, падают; вода течет, вздымает волны и шумит тысячьо голосов; ветер мчится быстрее птицы и ревет, как разъяренный зверь; деревья качаются, при надresaх дают кровь; листья шумят, шепчутся и, как птицы, носятся по воздуху; камни трещат и самопроизвольно скатываются с гор; земля дрожит и потрясается, как человек в лихорадке; недвижимый кремнь, ударяясь о другой камень, рождает огонь, как мать рождает дитя; огонь движется, шумит, выпускает живые языки пламени, издает звуки», — пишет Л. Я. Штейнберг в книге «Первобытная религия».

Первобытному человеку казалось, что все это живет, вся природа одушевлена. Неподвижность отдельных предметов объяснялась их сном или обмороком. По ночам все это могло передвигаться и совершать различные дела. Холмы, овраги, озера, роши, камни, болота — все это были в его представлении особые живые существа, обиталища своеобразной жизни.

Но прежде всего внимание древнего человека останавливается на грозном, загадочном огне. По мнению первобытных людей, огонь — живое существо, светлое, ласковое, дающее тепло, милостивое, в то же время грозное, бушующее. Огонь входил в основу всей жизни древнего славянина. С его помощью человек добывал орудия труда и спасался

от холода, от диких зверей. Огонь был основой хозяйственно-го быта человека. Вот почему пережитки одушевления природы, или анимизма, у славян, в том числе и у древних обитателей Гнёздова, можно найти прежде всего в культе (почитании) огня. Позднее в их сознании огонь стал олицетворять солнце, а солнце в представлении древних людей жило такой же жизнью, как и человек.

В курганах Гнёздова найдены сосуды, на днищах которых местные мастера изображали солнце в виде круга с лучами. Позднее это изображение стало знаком мастерской, но самый знак был заимствован из обряда почитания солнца. Кости петухов, найденные в курганах Гнёздова, характеризовали, по понятиям древних славян, огненные блески, кости быка являлись символом тучи.

С развитием религиозных представлений огонь стал считаться силой, очищающей от болезней, служил для отпугивания злых духов. Отсюда — пляски людей у огня, прыганье через костер. В сожжении умерших видны остатки анимизма — оставшиеся в живых хотели очистить умершего, закалить его от болезней в «загробной жизни». С этой целью в костёр клали петуха, как символ всеочищающего огня, жизни, света. Остатки одухотворения природы древних обитателей Гнёздова, как и у всех других славянских племен, можно найти в почитании рощ, источников, скал, воды. Святница, жертвенные места всегда строились в лесу, на скалах, у реки. Внимание древнего славянина привлекал образ могущественной и величественной реки.

Для древнего славянина река — движущаяся, сверкающая, то убывающая, то гневная, вздувающаяся, способная то благоприятствовать человеку, кормя его рыбой, то в гнев поглощающая его вместе с лодкой в стремнинах, водоворотах, способная залить и разрушить его сооруженные, его жилища, его запасы, — такая река в его представлении живая река. В понятии древних славян складывается представление о реке как о матери-кормилице, о родоначальнице людей. Так, в одной из славянских легенд говорится, что первый человек родился от дочери реки Днепра. Воде приписывали сверхъестественную силу. Древние славяне при болезнях купались в реке или озере, при глазной болезни умывались и погружали голову в воду, потом бросали в воду различные приношения. Перед походом или перед тем, как совершить какие-либо воинские дела, славяне приносили жертву воде. Так, воины Святослава, по сказанию Льва Диакона, погружали в волны Дуная младенцев и петухов после погребения убитых товарищей.

Церковный устав Владимира I (до 1011 года) запрещает молиться у воды. В житие муромского князя Константина Святославовича говорится, что язычники приносят жертвы — «требы кладут» — озерам и рекам. Садко опускает посоленный хлеб в Волгу в благодарность за то, что, гуляя двенадцать лет «и в добром здравьи от тебя отошел».

Эти же пережитки встречались много позднее. Так, в одном предании об Иване Грозном говорится, что Грозный наказал Волгу за бурю, топящую его войнство, переправляющееся через реку. Разгневанный Грозный кричит: «Не дури, река, присмирей, а то худо будет!». Не унималась Волга и заволновалась пуше прежнего. «Палача подать сюда! — крикнул царь, — вот я тебя проучу!». Взял кнут палача, да как свиснет по Волге. Вдруг кровь из воды на аршин вверх брызнула, и лег на воде кровавый рубец в палец толщиной. Понизже пошли волны, а царь кричит: «Не жалея, валяй покрепче!». После третьего удара образовались три рубца. Волга присмирела и дала возможность армии Грозного благополучно переправиться на тот берег.

Много подобных пережитков отмечает В. К. Добровольский в «Смоленском этнографическом сборнике». В древних рассказах, записанных Добровольским со слов крестьян в Смоленской губернии, реки, леса, птицы, звери живут такой же жизнью, как и люди. В одном рассказе Добровольского излагается, как река Сож поспорила с Днепром, кто из них знатнее, кто из них сильнее. Реки решили начать состязание в быстроте движения своих вод. Было выдвинуто условие: кто быстрее доберется до моря, тот и сильнее. Спор разрешил ворон. Он обманул своим криком реку Сож и та не добралась до моря, впала в Днепр и сделалась притоком своего соперника.

Птицы сравниваются с людьми, в их пении через звуко-подражание пытаются найти смысл человеческой речи. «Спасенный от ястреба воробей кричит: «Жив, жив!». В марте, когда наступает дружная весна, в три молотка стучит синица и предупреждает: «Куй, кузнец, лемяши!». Перепел кричит: «Добыть, бабы, пить надо, налей. Подь. Полоть. Пить. Полоть! Ва... Ва!» Петух, найдя зерно, зовет кур: «Ух, ух! Нашел, нашел, сюда, сюда». Недомазанные катки телеги громко скрипят: «Натерли, помяли, натерли, помяли...». Пашет мужик, а конь его, изнуренный зимней бескормицей, плохо тащит плуг, по временам приостанавливается, а журавль пролетел над пахарем, «осуждает» работу: «Мужик скривил, мужик скривил». Деревья разговаривают, листья лепечут, в ладоши хлопают.

С деревьями вели разговор и просили сказать, какая будет погода: «Гнилая колода, гнилая колода, ты будешь завтра погода? Вада будить, отгукнись, а ня будить — заикнись!».

Такие же остатки древней речи встречаются в заговорах. Так, в шептаниях от укуса змей встречается такое воззвание к царице змей в словах: «Олено, царица! Закажи своему войску степному, полевому, водяному», или: «Дубина зелена (название плакун-травы), посватаемся и побратаемся».

Древнему славянину растения казались живыми существами, поэтому в дошедших до нас описаниях целебных трав, приведенных И. Е. Забелиным в работе «История русской жизни с древнейших времен», мы встречаем выражения, рисующие живое лицо. «Есть трава Хленовник, — говорится в одном описании, — растет подле рек, а собою кругла, а ростом в стрелу. Трава Улик, а сама она красновишневая, глаза у нее кувшинами, а рот цветет, а листья лапками... Трава Былис, а растет она на горах под дубьем. Образ ее человеческой тварию».

Некоторые цветы и травы могут, как живые существа, передвигаться, внезапно исчезать, изменять свой вид и даже подавать голос. Так, о цветке Петров Крест говорится: «Если не заломить ее (эту траву), то она перейдет на иное место, на полверсты, а старое место пусто оставит». Или трава Царь, всем травам и деревьям глава, «кто ее нечаянно найдет, хотя и заметит, но в другой раз уже найти не может — скроется... Трава Ревяка по утренним и вечерним зорям стоет и ревет, а кинешь ее в воду, другой против воды пойдет. И сорванная она ревет... Трава Кликун кличет гласом по зорям дважды: ух! ух!».

При собирании трав применяются обряды, идущие от поклонения травам древних славян. Траве и цветам приносят различного рода приношения, бьют поклоны. «Трава соринтора херус растет прекрасна со всякими цветы, аки дерево кудревато. Если найдешь, должно признаменить (заметить) место, потом купить всяких напитков в малые сосуды и не дошед травы, положить три земных поклона, не дошед еще за две сажени еще положить три поклона и поставить питья под траву и говорит: «Ача Мариам» пять раз, и ветви оной травы во все пития вникнут, и соронит она, трава, с себя только три цвета, и те цветы возьми и также кланяйся».

Траву чествуют серебром, хлебом, яйцами, тканями. В сущности, это были умиловительные жертвы.

В этом поклонении травам и цветам случайно сохранил-

ся культ почитания природы. Сохранился он потому, что травы были лечебными средствами, они были необходимы людям в их повседневной жизни, а поэтому обряд их собирания и лечения ими включал в себя пережитки поклонения природе. В наших словах сохранилось много выражений, отражающих былое одухотворение природы. Например: «солнце село за горой», «дождь идет», «погасло дневное светило» и другие.

Пережитки одухотворения природы мы можем встретить и в сюжетах народных сказок. Э. Тейлор в работе «Первобытная религия» приводит следующий отрывок из народной сказки о Василисе Прекрасной:

«Мачеха и две сестры Василисы, злоумышляя против её жизни, посылают ее за огнем к колдунье Бабе-яге... Идет Василиса и блуждает, блуждает по лесу. Идет она и содрогается. Вдруг перед ней встал всадник, сам белый и в белой одежде и конь под ним белый, с белой сбруей. День начинает заниматься. Она идет далее, и перед ней другой всадник, сам красный, в красной одежде и на красном коне. Солнце начало всходить. Она идет в продолжение всего дня и под вечер подходит к дому ведьмы. Вдруг выскочил третий всадник, сам черный, в черной одежде и на черном коне. Он подскочил к воротам Бабы-яги и исчез, будто провалился в землю. Настала ночь. После этого Василиса спрашивает ведьму: «Кто такой был белый всадник?» — «Это мой белый день», — отвечает та. «А кто был красный всадник?» — «Это мое красное солнышко». — «А кто черный всадник?» — «Это моя темная ночь. Все они мои верные друзья».

Этот отрывок из сказки о Василисе Прекрасной говорит о сильно развитом в очень древние времена у славян представлении об одухотворенной природе.

Наряду с видимыми, осязаемыми предметами древние люди встречались с явлениями неосязаемыми (эхо, тени, призраки, отражение в воде), например: первобытный человек знает голоса людей и животных, но он совершенно не в состоянии понять истинную причину эха. Эти явления стали представляться первобытным людям, как особые существа, духи. Эти духи вначале не казались им таинственными и непостоянными. Это те же люди, считали они, и живут они также. Их единственным отличием, полагали древние люди, была способность быть неуловимыми, принимать вид любого предмета, животного, дерева, камня. Вскоре первобытный человек по сходству с загадочными для него явлениями и у себя как бы находит следы этого таинственного существа, которое помещается где-то в его теле, как бы во временном пере-

ходящем жилище. Это существо, по наблюдению древнего славянина, временно покидает его во время сна, а во время смерти переходит в другой предмет и продолжает там жить. Камень, гора, вода, дерево, но чаще всего животные, считает он, являются обителью, жилищем таких духов. Этому представлению помогает целый ряд предметов, по своему виду имеющих сходство с фигурой человека. Причудливые очертания облаков, деревьев, гор, особенно ночью, кажутся как бы своеобразными человеческими фигурами.

На созданный мир сверхестественных существ первобытный человек перенес свои общественные отношения. Подобно тому, как в племени и роду все люди являются родственниками, точно так же духи, якобы обитающие на территории, занятой родом или племенем, представлялись древним людям как бы сверхестественными родственниками. В дальнейшем они родство закрепляют за определенной группой животных, птиц или растений, близких людям по роду занятий и хозяйства, первобытных людей того или иного племени. Первобытные люди пришли к выводу, что почитаемые ими животные или растения являются их предками, от которых произошли и после смерти снова возвратятся в состояние почитаемого ими животного или растения.

Слабый и беспомощный первобытный человек в борьбе с природой пытается заключить прочный союз с этими воображаемыми им духами, которых он считает своими покровителями, пребывающими, по его мнению, в животных или в каких-либо предметах природы. Такой союз, в понятии первобытного человека, есть кровный союз. Отсюда складывается представление о тотеме, как о родоначальнике определенной группы людей, связанных между собой узами родства.

Первобытные люди полагали, что в каждом из них имеется душа родоначальника, которая после смерти человека вновь возвращается к родоначальнику и принимает его вид. На основе такого представления возникает тотемизм, то есть представление, что какое-то животное или растение породило тот или иной род. Слово тотем, вошедшее в лексикон науки, заимствовано было у одного из племен североамериканских индейцев, обозначает его род, то есть люди рода считали, что они произошли от того или иного тотема, а после смерти возвратятся в состояние тотема.

Тотемная родовая группа всегда считает, что она произошла от своего тотема и находится с ним в ближайшем родстве. Тотем — животное или растение — является в первобытном общественном состоянии обычно предком тотемной группы. Следовательно, тотемы считались покровителями

родовой группы, за это им надо оказывать всякое почтение. Так складывается культ тотемизма. Ритуал погребения в Гнёздове ясно показывает, что древнейшие обитатели Гнёздова некогда имели культ тотемизма.

В Гнёздовских курганах находили много предметов, связанных с пережитками тотемизма. В больших курганах Сергеев и Абрамов нашли котлы с костями, обвёрнутыми в шкуры животных, черепа баранов, козла. В большом кургане центрального могильника археолог Авдусин нашел изображение козла. Это был знак родства человека с почитаемым животным, с тотемом.

На основе почитания тотема складывается определенная обрядность. Тотема запрещают убивать, уничтожать. Свою жизнь первобытные люди пытаются связать с тотемом. В экстренных случаях обращаются к нему за советом и приказанием. Так, например, новорожденных относят к тем местам, где обычно водятся тотемы, и на некоторое время оставляют их там. Если тотем не тронет новорожденного, то считали, что родоначальник принимает нового члена в род, в противном случае ребёнок погибал. Несколько раз в году устраивали праздники в честь тотема рода. В эти дни разрешалось убить тотема, после чего все жители поселка натерлись кровью тотема, ели кусочки мяса, запивая глотками крови тотемного животного. Этим обрядом первобытные люди как бы подчеркивали свое родство с тотемом. В более позднее время этот обряд был заимствован христианской религией и составил содержание одного из христианских таинств — причащения. Веру первобытного человека о переходе после смерти в состояние тотема можно подтвердить характерным примером из книги Э. Тейлора «Первобытная культура».

У одного из племен Африки, пишет автор, тотемом была черепаха. Как-то раз охотники принесли несколько живых черепах в поселок. Население поселка встретило черепах с большим почетом. Женщины, окружив черепах, стали горько сетовать, плакать, громко причитать. «О, черепаха, скажи, кто ты? — вопрошали они. — Отец ли ты, муж ли, брат ли, сестра, кто ты?». Причитающие женщины пытались обнаружить в черепахах души умерших их родственников, которые, по их мнению, после смерти их близких опять перешли в состояние тотема.

Подобное находим и в работе Л. Я. Штенберга «Первобытная религия». Он пишет, что в одном из племен индейцев (Северная Америка) умирающего заворачивают в шкуру буйвола, лицо выкрашивают под цвет шерсти тотема и

обращаются к нему так: «Ты идешь к буйволам. Ты идешь к своим предкам. Будь крепок».

Это же подчеркивает А. А. Котляревский, описывая обряд погребения древних индусов: «Покрывали усопшего свежей кожей убитой коровы (Риг-веды, древние индусские сказания, свидетельствуют, что коровы были тотемы, священные животные в ряде индусских племен). Затем к трупу клали различную утварь, а если это был воин или охотник, то и оружие, и поджигали костёр».

Это говорит о том, что представление об общем предке, якобы породившем ту или иную родовую группу, возникает не только у славян, но и у других народов, находящихся на ступени дикости. В Гнёздовских курганах находят много предметов, подтверждающих тотемизм у смоленских кривичей. Это — украшения, предметы домашнего обихода, сделанные или в виде животных, или с орнаментом, изображающим животных и зверей. Знаменитый смоленский змеевик (голова со змеями), вероятно служивший амулетом против болезней, есть ли что иное, как доказательство почитания тотема.

В Гнёздове найден бронзовый умывальник в виде животного. Найденная «капторга» (металлический кошелек) имеет три застёжки в виде бычьих голов. Многие фибулы и пряжки украшены орнаментом с изображением зверей. Особый интерес представляет пряжка от фибулы в виде козла, найденная в большом кургане.

Огромную роль при погребениях в Гнёздове играл культ камней. Найденные на кострищах валуны, бусы, бирюза, жемчуг имели явно ритуальное значение. Камни, особенно драгоценные, являлись для древних обитателей Гнёздова особыми амулетами, изгоняющими болезни, охраняющими их от злых духов. Это, безусловно, являлось пережитком тотемизма.

Вероятно, в числе родов, из которых впоследствии сложилось племя кривичей, были такие группы, которые верили, что они произошли из камней.

Вначале в камнях кривичи видели какое-то таинственное живое существо, а впоследствии оно в их воображении превратилось в существо человекоподобное, дающее им жизнь. Так, камень превращается в родоначальника, тотема.

Одновременно с зарождением религиозных представлений первобытные люди создали свое богослужение, разработали определённые действия по отношению к созданному ими сверхъестественному миру. Главную роль в созданной ими обрядности стала играть магия (колдовство, волхование). Магия предполагает не умолиствие, не молитвы и зада-

бривание духов, а применение «заклинаний», «чар», различного рода талисманов, призывающих сверхъестественные силы. С помощью магии первобытный человек старался вызвать благоприятные для него явления и отогнать злые таинственные силы. Например, когда древний славянин заболел, он или его родственники прибегали к различного рода колдовским действиям, чтобы «изгнать» болезнь. Нуждаясь во влаге, «магическими» действиями пытались вызвать дождь.

Молитвы, гимны, почитания богов, демонов и т. п., то есть умилостивительный элемент, появился позднее, когда на основе складывающихся религиозных представлений окончательно оформилась религия. В дальнейшем магия переплелась с умилостивительным элементом и вошла как составная его часть во все существовавшие религии. Так, например, главные обряды христианской религии — водосвятие, крещение, причастие и другие — основаны на дикарской магии.

На основе складывающихся религиозных представлений возникает культ почитания умерших предков. Во время расцвета родового строя у славян создается представление о таинственных, невидимых силах, находящихся не только внутри предметов неорганического мира, но и в теле человека. Эти таинственные существа, по мнению древних славян, являлись жизненным началом всякого предмета, в том числе и тела человека.

Это было порождено предыдущими представлениями о мире и жизни людей. Воображаемые таинственные силы получили название души. Вначале представление о душе было самым различным. У каждого предмета могла быть душа, в том числе и у предметов, сделанных руками человека, — у топоров, горшков, лодок, стрел. Душа, по мнению древних людей, могла вести самостоятельное, независимое от тела существование. Души людей могли быть вселены в животных и растения — в этом сказывается явное влияние тотемистических представлений. Более поздним отголоском таких представлений является сказка о Кашее Бессмертном, у которого душа спрятана в дупле дуба. Позднее душа была переведена внутрь тела человека, но долгое время древние славяне представляли ее как небольшое животное, насекомое или птицу, осу, бабочку. Пережитком этого в христианской религии является изображение «духа божьего» в виде голубя. В этом также видно влияние тотемизма. Позднее душу стали представлять как некоторое уменьшенное, бледное, лишнее мяса и костей подобие тела, похожее на человека. Душа превращается в тень человека.

Создав представление о душе как о двойнике человека,

древние славяне стали изображать наиболее почитаемых ими умерших предков в виде человеческих фигур. В городе Рославле найдена небольшая каменная статуэтка женщины. Археолог А. Н. Лявданский даёт ей следующее описание: «Лицо очерчено бороздкой, шея не показана, нос выпуклый, глаза высверленные, рот изображен бороздкой, уши не показаны, голова плоская. Грудь открытая и слабо выпуклая, под локтем правой руки выемка. Вид сзади такой же ровный, так и левый бок. Следов одежды и украшений нет. Статуэтка не очень гладко обработана».

Подобные статуэтки археологи находят довольно часто. Принято считать, что они изображают мать, прародительницу рода, и созданы во время первой стадии родового строя, называемой матриархатом, когда во главе рода стояла женщина, прародительница или, как принято её называть, сахем. В более позднее время, в период патриархата, когда во главе рода стоит отец-родоначальник, почитаемых предков стали изображать в виде мужчин.

Так, на основе тотемизма, сложилось представление о душе человека, составившее главное содержание культа предков. Переход от тотемизма к культу предков можно объяснить постепенным увеличением власти человека над окружающей природой и образованием у людей более крупных социальных организаций. Тотемы, чаще всего зооморфные (в образе животных), покровители определённых родов, отступают на задний план и на их месте выдвигаются духи предков рода, в частности, предков вождя рода, они становятся покровителями рода. Покровители, по мнению первобытных славян, жили такой же жизнью, как и их поклонники. Древние славяне считали, что их предки на том свете продолжают жить племенами, занимают такое же общественное положение, которое они имели до смерти. У них имеются выдающиеся индивиды, как и у людей, которые играют господствующую роль среди божественных сородичей, и такую же по отношению к покровительствуемым им представителям человеческого рода. Воображаемые духи-предки были якобы наделены сознанием, волей, обликом человека. Они резко отличались от духов природы, среди которых они жили.

К этому времени представление о духах природы стало более обобщенным. В сознании первобытных людей появились дух леса, дух ветра, дух неба, дух воды и т. п. При этом духи природы в представлении людей тоже приобретают человеческий облик, и постепенно их образы сливаются с образами духов, предков, к которым и переходит власть над явлениями природы. Древний славянин, создавая культ пред-

ков, многое заимствует из былого представления о природе, как о живом существе. Таким образом, наблюдая над природой и сравнивая явления природы со своей собственной жизнью, кривичи, как и другие славянские племена, пришли к выводу, что человек так же бессмертен, как и природа, в которой они растворили духов-предков.

Если природа пробуждалась после зимы, то почему бы душе умершего не воскреснуть вновь и жить, как живет обладатель этой души до смерти? Умирая, древний славянин был убежден, что он будет продолжать после смерти именно ту жизнь, которую он оставил на земле. Только активная роль будет принадлежать душе, которая оставила тело как внешнюю оболочку. Именно подражание природным явлениям и было положено в основу главным обрядам, связанным с погребением умершего. Так, сожжение умершего и затем погребение праха в землю были взяты по сходству с восходом и заходом солнца.

«У племен приморских солнце, — сообщает А. А. Котляревский в работе «О погребальных обычаях языческих славян», — окончив жизненный путь свой, сгорало и погружалось в море; у жителей равнин и гор оно сжигалось и уходило в землю или за горы; то место на далеком западе, где скрылось оно, представлялось человеку обителью, которая ожидает его самого после смерти, куда прежде отошли его отцы; и вот он хочет помочь своим близким усопшим переселиться в это жилище и выбирает те же пути и способы, как великое небесное существо; он сжигает их и опускает прах в землю или земляную гору».

Поэтому кривичи, как и ряд других славянских племен, сжигали прах умершего и над ним воздвигали курганы, как символ подземного дома, где будет продолжать жить умерший. Могила — жилище умершего. Вот почему в более позднее время гроб называли домом, домовищем. Итти домой — иносказательно значило умереть. Славянам в это время были совершенно чужды понятия о загробной награде или наказании за земную жизнь. По мнению ученого А. А. Котляревского, кривичи «уносили в могилу твердую веру о продолжении материальной жизни, именно той, которую они оставили на земле, а так как нужды всегда являются уделом человечества, то и загробная жизнь представлялась несвободной и не в равной степени несвободной от них, ибо они имели достаток и слуг, другие их не имели — это сырые души, наконец, третьи сами имели рабскую повинность».

Воины Святослава, по свидетельству Льва Диакона, не надеясь на спасение, предавали себя смерти: они верили, что

«Дела давно минувших дней», С картины В. Васнецова.

через это избегнут участи быть рабами своих победителей на том свете.

Следовательно, в представлении кривичей загробная жизнь была похожа на земную. Души мертвых охотятся, ловят рыбу, воюют, пируют, развлекаются, испытывают радости и страдания. Им, как и живым, нужна еда, одежда, жилища и слуги.

БЫТ И ОБЫЧАИ СЛАВЯН ПО КУРГАННЫМ РАСКОПКАМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Если материальная жизнь продолжалась и после смерти, то умерший, по мнению кривичей, должен иметь в могиле все то, что он имел и чем пользовался до смерти.

Если же всего этого не положить в могилу, то умерший будет бедствовать и может занять более низкое место среди других умерших, чем он имел до своей смерти. Вот почему по найденным предметам Гнёздовских курганов можно составить довольно полное представление о жизни и быте обитателей Гнёздова.

Оружие являлось основной частью погребального ритуала. Оно говорит о том, что отряды военно-родовой знати большую часть своего времени рыскали в окрестностях с целью грабежа и вымогательства дани с местного населения или отряды купцов-разбойников сопровождали караваны, направлявшиеся по великому водному, или волжскому, пути.

Об этих походах говорит не только оружие, но и кости боевых коней, похороненных вместе с умершими хозяевами, а также остатки ладей, на которых совершались длинные и опасные путешествия.

В свободное от походов или торговых поездок время знать пиновала. Это подтверждают найденные тарелки, кубки, котлы, отшлифованные и отделанные рога, игральные кости.

Другим любимым занятием военно-родовой знати была охота, отчасти рыбная ловля. Об этом говорят найденные охотничьи стрелы, рыболовные крючки, остатки глиняных грузил от сетей.

Всякого рода ларчики, шкатулки, посуда, украшения свидетельствуют о богатстве и разнообразии предметов домашнего обихода военно-родовой знати. Остатки украшений обнаружил археолог Авдусин в 1950 году в одном из курганов. Были найдены поясные бляшки, обломок серебряного браслета редкой формы, долые перстни и многое другое. В большом Ольшанском кургане, раскопанном им же в 1950 го-

ду, найдено прекрасное золотое плетение — нашивка на одежде, поясные бляшки, бусы и другое. Но украшения, всякого рода металлические подвески, бубалочки, побрякушки, низки, рясны, как и бахрома, имели большое обрядовое значение. Бряцанию или гармоническому звону, шуршанию их придавали значение силы, прогоняющей злого духа и призывающей на помощь отцов-покровителей. Совершенно не случайно славяне называли всех умерших в племени своими родителями, которые, по их мнению, отвечая на призыв родственников, прерывали свою могильную жизнь и выходили из могил-жилищ, чтобы помочь и дать наставление потомкам. Этот призыв помощи славяне выливали в молитву, которая часто сопровождалась жертвоприношением.

По мнению Ф. И. Буслаева, «слово молитва надо понимать — приносить жертву, давать обет, молить — колоть, резать». В Гнёздовских курганах найдено много горшков с остатками пищи, кости быков, петухов, кур — всё это жертвенные животные. Так как духи-родичи стали представляться в образе людей со всеми человеческими потребностями, то их и стали упрашивать, молить воздействовать магическими обрядами, умиловать подарками и жертвоприношениями.

Тризны, стравы, или поминки, в определенное время года являлись своеобразной жертвой умершим. На могильниках каждый из присутствующих три первые ложки отливает для души с каждого кушанья. При питье чаши подносят ко рту и прежде часть отливают для родителей — дедов.

Кроме тризны, стравы или поминок справлялся «навий день». «Культ «навий» («навьев») связан с баней. Сюда приходят молиться предкам — «навьям», ожидая, что последние явятся мыться, сыпят пепел и по пеплу узнают, явились «навьи» или нет. Сюда же приносят вино, яйца, масло, сыр, «крошат хлеб» и съедают принесенное. Такие же моления и тризны устраивают предкам рода и роженицам. Тризны в честь предков, угощения и культ «навий» в форме братчины долгое время еще существовали на Руси.

Профессор В. В. Мавродин вполне справедливо замечает, что культ предков наступает во время патриархата. По мере же распада родовой организации, возникновения и укрепления моногамной (единобрачной) семьи, род и роженицы, покровители рода, отходят на второй план; на первый план выступают покровители отдельных семей — домовые, под которыми понимали души умерших предков, в честь их устраивали праздники, чаще всего весной, когда природа просыпалась от зимнего усыпления.

Выходящие якобы из земли души предков позднее стали олицетворяться с маевками-русалками, водяными.

«Маевки-русалки были первоначально олицетворениями душ усопших, впоследствии же получили значение речных и лесных существ», — пишет В. В. Мавродин.

Это же подчеркивается и в работе Д. К. Зеленина «Очерки русской мифологии». «Не исключена возможность, — указывает в ней, — что самое название «проводы русалки» первоначально означало «поминки родителей» или даже «похороны». К этому весьма близки народные весенние праздники, а именно: «похороны костромы», «похороны чехони», «проводы весны», «похороны Ярила», «похороны Горюна» и «похороны разных безымянных чучел».

Археологические находки не вводят нас в подробности обычаев кривичей VIII—IX веков, но пережитки древних обычаев долго держались в районе Смоленска. О них мы можем составить представление по материалам, собранным В. К. Добровольским в окрестностях Гнёздова и Смоленска. Представление о том, что под словом «родитель» надо понимать не только родителя в полном смысле этого слова, но вообще умершего родственника, долго держалось среди крестьян Смоленского уезда, отмечает Добровольский. При этом родитель принимает живейшее участие в судьбах потомка, в его делах, даже в малейших мелочах жизни. «Положим, у крестьянина пропал топор, околела скотина, все это, быть может, произошло оттого, что он под пьяную руку оскорбил родителя дурным словом или поступком».

Поэтому умерших родственников почитают и несколько раз в году устраивают поминки. Эти поминки, например во время весеннего праздника «радуницы», напоминают собой остатки прежних тризны. На могилы приносят различные кушанья, часть еды зарывается в могилу, чаще всего яйца, затем после еды на могилах устраивают гулянья, водят хороводы, поют песни и бывают различные состязания, борьба, бег, ребята пробуют крепость яиц, «играют в битки». В общем, радуница, несомненно, пережиток тризны. Не случайно сложилась поговорка: «Радуница до обеда плачет, а после обеда скачет».

Таким образом, представление о продолжении материальной жизни после смерти, почитание душ умерших в виде пережитков очень долго сохранялись. Пережитки анимизма у дореволюционных крестьян Гнёздова можно было встретить и в обряде погребения. Первой заботой живых было облегчение расставания с телом. Для этой цели везде, где был умерший, открывали окна, двери, снимали паутину. Все это

делалось для того, как понимали в то время крестьяне Смоленского уезда, чтобы душа, имея перед собой открытое пространство, легче вышла из тела.

После того как человек скончался, начинали снаряжать покойника в далекий путь. Обмывали, одевали, обували в крепкую обувь, которую он должен был износить, пока достигнет жилища отцов. В руку клали платок, чтобы он обтирал лицо, запыленное долгим путем. В руку мертвеца клали также монету, чтобы умерший мог купить место на том свете, иногда глаза мертвеца закрывали монетами или в гроб бросали монету с той же целью. Этот обычай идет опять-таки с глубокой древности.

«Когда не было денег (монет) у славян, — пишет этнограф Смоленщины В. К. Добровольский, — то клали платок, полотенце или холст — обычный подарок при крестинах или свадьбах... Вместе с трупом клали головной убор, и когда представители церкви запрещали им это делать, то отвечали: «Снимай колпак коли хочешь, а мы не будем, он так нам приказал».

В гроб клали различные принадлежавшие покойнику вещи. Очень часто клали срезанные при жизни ногти. При выносе умершего из дома его несколько раз трясут, как бы отпугивая и вытрясывая душу. «Покойника трясут на пороге при выносе из хаты, в сенях и в воротах, в поле», — отмечает Добровольский.

Нередко гроб имел форму колоды, изголовье — вид человеческой головы. При копании могилы на кладбище бросают в яму деньги — выкупают место для умершего у предков.

За выносом покойника били горшки и посыпали путь овсом; похоронный обряд совершался до восхода солнца. После погребения на перекрестках сжигали солому, — это ясные пережитки былого трупосожжения.

«Возвратясь домой после похорон покойника, — указывает Добровольский, — говорят: «Пускай клопы, тараканы мрут, а нам доброго здоровья». Затем усаживаются за стол, садятся один от другого на довольно большом расстоянии: «не придвигайся один к другому» и «не садитесь тесно, чтобы не вытиснуть родителей», невидимо участвующих в беседе и помещающихся на лавках, в незанятых промежутках, — закусывающих вместе с присутствующими нарочно подкинутыми крохами кушанья».

Во время поминок пьют вино за благополучие в далеком пути умершего, за бесконечную жизнь в будущем...

Питье вина сопровождалось погребальными песнями,